

Чириков Евгений Николаевич

Евреи

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Е14

Е14 **Евгений Николаевич Ч.**
Евреи / Чириков Евгений Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 80 с.

ISBN 978-5-521-30290-1

ISBN 978-5-521-30290-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

шлойме. Когда былъ погромъ у насъ въ Вильнѣ,—я былъ очень маленькій и ничего не помню... У меня убили мамашу... (Со вздохомъ) Я совсѣмъ не помню свою мамашу...

лейзеръ. А гдѣ былъ тогда твой отецъ?

шлойме. Папаша?.. Папаша уѣхалъ въ Америку... Онъ говорилъ, что когда разбогатѣть, то возьметъ насъ тоже въ Америку... Но когда онъ туда уѣхалъ, онъ совсѣмъ забылъ насъ... Мамаша очень плакала... Кто можетъ знать? Можетъ быть, папаша тоже давно померъ... Я—одинъ... (Входитъ мужикъ, снимаетъ шапку).

мужикъ. (Добродушно) Богъ-помощь тому, кто въ этомъ дому! Не здѣсь ли живетъ рудый жидъ Янкель?

лейзеръ. (Не отрываясь отъ работы) Жидъ Янкель? Такого нѣтъ...

мужикъ. (Причмокнувъ губами) Эхъ! куда жъ онъ, проклятый жидюга, заховался? Шукаю, шукаю... (Надѣвая шапку) Можетъ, рядомъ?

лейзеръ. Не знаю...

мужикъ. Онъ думаетъ,—что я его, жидюгу, бить буду... А я жъ ничего!.. Пусть отдастъ мои гроши...

лейзеръ. Янкеля здѣсь нѣтъ... Ступай себѣ, куда хочешь...

мужикъ. Хм! Вотъ чортова жидюга!.. Прощайте, дай вамъ Богъ здоровья! (Уходитъ)

шлойме. (Послѣ небольшой паузы) А я, ребъ Лейзеръ, все-таки жду... Можетъ быть, когда-нибудь почтальонъ принесетъ мнѣ письмо... и вдругъ это письмо окажется отъ папашы!.. Все можетъ быть!.. Тогда я не буду—одинъ... Очень скучно, когда живешь на свѣтѣ одинъ!..

лейзеръ. Я, Шлойме, три раза въ жизни терялъ все, что у меня было, и три раза начиналъ строить свою жизнь снова. Я, какъ пчела, собирать медъ по каплѣ, а когда въ моемъ ульѣ набиралось достаточно меду,

то мой улей ломали и вынимали все, что я собралъ... И вотъ здѣсь, на щекѣ, у меня есть печать: одинъ разъ бойникъ ударилъ меня косаремъ по лицу и я упалъ; онъ думалъ, что я уже мертвый, плюнулъ мнѣ въ ротъ и ушелъ. А я лежалъ себѣ и лежалъ, очень долго лежалъ... Я притворился, что совсѣмъ уже умеръ. Лицо у меня было въ крови, и когда кто-нибудь проходилъ мимо, то я не дышалъ...

шлойме. Ай-ай-ай!..

лейзеръ. Тогда Борухъ и Лія были въ хедерѣ *), а моя покойная жена уѣзжала въ Кіевъ къ своей матери... Кто знаетъ? Если бы они были дома,—можетъ быть, я былъ бы теперь тоже совсѣмъ одинъ, какъ и ты... Ты знаешь, что случилось съ Іовомъ?

шлойме. Какъ же этого не знать?!

лейзеръ. Пришелъ вѣстникъ и сказалъ: „сыновья твои и дочери твои ѣли и пили вино, и вотъ большой вѣтеръ пришелъ отъ пустыни, и домъ упалъ и задавилъ отроковъ“...

шлойме. И вы, ребъ Лейзеръ, были раньше богаты, какъ Іовъ?

лейзеръ. Ну! Такимъ богатымъ я никогда не былъ, но у меня былъ въ Могилевѣ хорошій магазинъ и мнѣ не приходилось такъ много работать и бояться, что завтра никто не принесетъ въ починку часовъ... И все пропало!.. Пришелъ вѣтеръ отъ пустыни и все унесъ... И я вотъ уже десять лѣтъ смотрю съ утра до вечера въ часы и боюсь, что вдругъ кто-нибудь придумаетъ такіе часы, которые никогда не будутъ портиться!..

шлойме. (Ухмыляясь) Но этого, ребъ Лейзеръ, никогда не можетъ случиться...

лейзеръ. Тогда намъ съ тобой, Шлойме, будетъ

*) Еврейское училище.

совсѣмъ плохо... Такъ же плохо, какъ было бы плохо нашему доктору Фурману, если бы люди вдругъ перестали совсѣмъ хворать...

ШЛОЙМЕ. (Съ улыбкой) Что вы говорите, ребъ Лейзеръ!.. Развѣ можно, чтобы кто-нибудь не хворалъ никогда въ жизни?!

ЛЕЙЗЕРЪ. Да, Шлойме, я тоже такъ думаю... потому что человѣкъ, какъ и часы, всегда хочетъ или немножко побѣжать впередъ, или очень много отстаетъ... И человѣка тоже надо и чистить, и вывѣрять, и чинить...

ШЛОЙМЕ. Вашъ сынъ говоритъ, что человѣка надо сломать и сдѣлать совсѣмъ новаго... Вашъ сынъ—очень умный человѣкъ!

ЛЕЙЗЕРЪ. (Вздохнувъ) Когда человѣкъ бываетъ очень умнымъ, то это такъ же плохо, какъ если бы онъ былъ совсѣмъ дуракъ... Тогда человѣкъ хочетъ думать, что онъ уже умнѣе самого Бога... (Голосъ Боруха: „Это раньше думали, что человѣкъ рождается свободнымъ... Теперь думаютъ, что онъ рождается скованнымъ... Но ему надобны всякіе кандалы, и человѣкъ долженъ ихъ сбросить!..“). Слышишь, какъ кричитъ мой Борухъ?

ШЛОЙМЕ. Почему они все ссорятся?

ЛЕЙЗЕРЪ. Борухъ хочетъ, чтобы люди стали жить по его законамъ... Онъ не хочетъ знать, что Богъ давно придумалъ для людей законъ.

ШЛОЙМЕ. Борухъ не вѣрить, что евреи вернутся въ Палестину. Онъ говоритъ, что все это—сказки, которыя очень пріятно слушать тому, кто въ нихъ хочетъ и можетъ вѣрить.

ЛЕЙЗЕРЪ. Да, Шлойме, это — большое горе, — сдѣлать дѣтей своихъ такими умными, что они не вѣрятъ въ эти сказки. Это большое горе, потому что, если еврей не вѣритъ въ эти сказки, то онъ очень скоро перестаетъ быть евреемъ...

ШЛОЙМЕ. (Послѣ нѣкоторой паузы) Я, ребѣ Лейзеръ, вѣрю... Я вѣрю, что все, что вчера говорилъ Нахманъ,— правда!.. И я тоже далъ шекель *): пусть и на мои деньги купятъ немного Святой земли...

ЛЕЙЗЕРЪ. Надо, Шлойме, вѣрить. Больше у насъ, евреевъ, ничего не осталось.

ШЛОЙМЕ. И когда пришелъ вчера съ собранія и легъ спать, то я долго не могъ уснуть: я все думалъ о томъ, что говорилъ Нахманъ и докторъ Фурманъ... Докторъ Фурманъ тоже немножко не вѣрить... Онъ тоже говоритъ очень хорошо, но я чувствую, что правда—у Нахмана, а не у доктора...

ЛЕЙЗЕРЪ. Докторъ Фурманъ не вѣрить ни въ Бога, ни въ чорта...

ШЛОЙМЕ. Я очень долго не могъ уснуть, а когда заснулъ, то мнѣ приснился сонъ... Хе! очень пріятный сонъ! (Входитъ Березинъ)

БЕРЕЗИНЪ. (Молча поклонившись Лейзеру) Борисъ Лазаревичъ дома?

ЛЕЙЗЕРЪ. Кто такой Борисъ? Я не знаю. У меня есть сынъ, но его зовутъ не Борисъ, а Борухъ... Онъ—еврей...

БЕРЕЗИНЪ. (Смущенно) Дома онъ?

ЛЕЙЗЕРЪ. А гдѣ же ему быть? Его тоже прогнали изъ университета и теперь ему тоже нечего дѣлать. Ступайте къ нему,—вамъ будетъ веселѣе... Они тамъ кричатъ и ссорятся. (Березинъ проходитъ чрезъ магазинъ и залъ въ комнату Боруха; когда дверь туда растворяется, — врывается шумъ спорящихъ; въ этомъ шумѣ выдѣляется голосъ Нахмана: „Слава Богу, живъ еще еврейскій народъ! Мы съ вами умремъ, а еврейскій народъ останется!“) И этотъ молодой человѣкъ тоже очень любитъ спорить... Но онъ, слава Богу, не кричитъ... Вотъ, Шлойме! Я думалъ, что Борухъ и Лія

*) Членскій взносъ у сіонистовъ.

кончать свое ученье, и тогда мнѣ, старику, будетъ легче... А они устроили тамъ какіе-то безпорядки, и теперь не на что надѣяться... (Шумъ въ комнатѣ Боруха замѣтно стихаетъ)

шлойме. (Со страхомъ) А зачѣмъ приходилъ господинъ приставъ?

лейзеръ. Онъ сказалъ, что мои дѣти никуда не могутъ уѣзжать изъ города и заставилъ подписать бумагу. Я думалъ, что они кончатъ свое ученье, и тогда могутъ ѣхать и жить, гдѣ лучше, а вмѣсто этого вышло еще хуже: они теперь не могутъ никуда уѣхать даже изъ нашего города...

шлойме. Говорятъ, что и сынъ банкира Сакера тоже дѣлалъ безпорядки и папаша прогналъ его изъ дому... Такой богатый человѣкъ и все-таки дѣлалъ безпорядки... (Пауза)

лейзеръ. Ну, что же ты не сказалъ мнѣ, Шлойме, что ты видѣлъ во снѣ?..

шлойме. (Отрываясь отъ работы) Я? Я видѣлъ очень хорошій сонъ!

лейзеръ. Ну!.. Что же ты видѣлъ?..

шлойме. Будто бы я шелъ-шелъ, очень долго шелъ. И ноги мои болѣли и мнѣ очень хотѣлось кушать. И вдругъ я пришелъ въ городъ, очень большой и хорошій городъ! Уже была ночь, и на улицахъ никого не было. Я очень боялся, что въ этомъ городѣ тоже нельзя жить евреямъ, и когда увидалъ на углу господина полицейскаго, то очень испугался... Я думалъ себѣ: вотъ онъ сейчасъ подойдетъ ко мнѣ и скажетъ: „дайте вашъ паспортъ“.

лейзеръ. Ну!

шлойме. Я уже хотѣлъ убѣжать, ребъ Лейзеръ, но господинъ полицейскій закричалъ мнѣ: „не бойся! и я тоже—еврей“! (Радостно смѣется и потираетъ руки)

лейзеръ. Это, Шлойме, очень хорошій сонъ! Такихъ сновъ я никогда въ своей жизни не видалъ и, навѣрно, не увижу... И что же было дальше?

шлойме. Я сказалъ: „позвольте васъ спросить, какой это городъ, куда я пришелъ?“

лейзеръ. (Перебивая) То былъ Іерусалимъ?

шлойме. Э, нѣтъ! И я тоже думалъ,—Іерусалимъ! А то былъ Іерихонъ... И мое сердце такъ сильно забилося, что я проснулся и думалъ, что умру отъ радости... И я не могъ больше спать,—такъ мнѣ было хорошо и тревожно на душѣ!..

лейзеръ. И потому ты сегодня такъ лѣниво работаешь?..

шлойме. (Задумчиво) Я думаю, что когда-нибудь поѣду въ Палестину и увижу этотъ хорошій городъ...

лейзеръ. А куда ты, Шлойме, кончай часы аптекаря! (Подъ окнами магазина слышенъ голосъ мужика: „Тетка! Не знаешь ли ты, matka, гдѣ живетъ брудый жидъ Янкель?“ Шукаю шукаю...“)

шлойме. (Принимаясь за работу) Одинъ еврей говоритъ, что когда придетъ Мессія, то всѣ евреи, которые живутъ въ разныхъ земляхъ: и въ Польшѣ, и у насъ, и въ Америкѣ, и въ Африкѣ, и въ Англии, и вездѣ,—всѣ пройдутъ подъ землей въ Палестину *). Это тоже правда, ребъ Лейзеръ?

лейзеръ. Правда, правда... Все правда... Эхе-хе!..

шлойме. Но зачѣмъ же, ребъ Лейзеръ, ходить подъ землей? Можно поѣхать на пароходѣ и на желѣзной дорогѣ или идти своими ногами...

лейзеръ. Подъ землей, Шлойме, ходить еврею лучше: тамъ тебѣ не встрѣтится никакого начальства и можно будетъ спокойно дойти до Святой Земли. А если ты пойдешь или поѣдешь по землѣ или по водѣ,

*) Еврейское народное повѣрье.

то у тебя спросятъ паспортъ и, когда посмотрятъ въ твой паспортъ, то скажутъ: „иди назадъ, потому что по нашей землѣ нельзя ходить жидамъ!“ И тогда ты никакъ не попадешь въ Святую Землю... (Дверь изъ комнаты Воруха распахивается, вырывается нестройный шумъ спора,—выходить въ залъ Нахманъ, Ворухъ, Березинъ, Лія и Изерсонъ; Лія садится близко къ авансценѣ, Изерсонъ — въ дальній уголъ, Ворухъ держится около Березина)

НАХМАНЪ. (Сильно жестикулируя и горячась) И пусть! Пусть! Если ваши права требуютъ, чтобы я продалъ свою душу,—миѣ ихъ не надо! Не надо!

БЕРЕЗИНЪ. (Махнувъ рукой) Чудакъ вы, Нахманъ, право!..

НАХМАНЪ. (Обиженно) Я—чудакъ... А вы—кто такой?.. Пусть я чудакъ, но свою духовную свободу я не продаю, господа, ни за какія деньги!.. Не продажная!

ЛІА. Нахманъ! Вы не поняли...

БЕРЕЗИНЪ. (Съ пренебреженіемъ) Да отъ васъ никто и не требуетъ этого отреченія...

НАХМАНЪ. (Перебивая) Кто не требуетъ? Это вы—не требуете, а жизнь требуетъ. (Злобно) Что такое вы? Вы миѣ ничего не можете дать и ничего не можете у меня взять!.. Жизнь требуетъ! Борисъ Лазаревичъ указалъ на Германію, на Францію... Но вы, Господа, не знаете, что представляютъ изъ себя эти евреи въ Германіи и во Франціи. Тамъ, гдѣ намъ, евреямъ, даютъ нѣкоторыя права, тамъ у насъ отнимаютъ душу... Какіе тамъ евреи? Они стыдятся своего еврейства и пляшутъ подъ чужую дудку... Они скрываютъ свои чувства, подавляютъ ихъ... и обманываютъ и другихъ, и самихъ себя...

БЕРЕЗИНЪ. (Резонерски) И очень скверно дѣлаютъ... (Садится около Ліи)

НАХМАНЪ. Въ Германіи еврей—нѣмецъ, во Франціи—французъ, т. е. не нѣмецъ и не французъ, а еврей,

который притворяется то нѣмцемъ, то французомъ... Они скверно дѣлають... Но вы научите ихъ, какъ имъ оставаться евреями!..

ИЗЕРСОНЪ. (Изъ угла, очень громко) Развѣ еврей лучше нѣмца, или нѣмецъ хуже еврея?!.. Я знаю только двѣ націи: одна много работает и мало ѣсть, а другая—очень мало работает и очень много ѣсть.

БЕРЕЗИНЪ. Почему вамъ такъ хочется оставаться именно евреемъ? Придетъ время, когда...

НАХМАНЪ. (Перебивая, со злостью) Почему я хочу быть евреемъ? Это очень странный вопросъ. Я же васъ не спрашиваю, почему вы, г. Березинъ, — сынъ своей матери и своего отца?.. (Небольшая общая пауза)

ИЗЕРСОНЪ. (Изъ угла) У меня убили и отца, и мать, когда я былъ груднымъ младенцемъ... Я принадлежу къ голодной націи...

НАХМАНЪ. Вы, господа, указываете на Францію. Но развѣ въ этой свободной странѣ не травятъ „жида“, какъ и всюду? Развѣ въ Дрейфусъ не олицетворилась судьба всего еврейства?

ЛІЯ. А Эмиль Золя? Золя?

НАХМАНЪ. Это одна ласточка! Она не дѣлаетъ весны евреямъ! Права! Въ Германіи евреи имѣютъ ваши права, но что изъ этого? Голосъ еврея никому не нуженъ. Этимъ голосомъ партіи пользуются только въ случаяхъ крайности, съ брезгливостью пользуются этимъ голосомъ! Мы, какъ голодные бродячія собаки, ходимъ двѣ тысячи лѣтъ по чужимъ землямъ, и у насъ нѣтъ ни дома, ни хозяина!

ИЗЕРСОНЪ. (Изъ угла) Хозяина?! Ха-ха-ха! Хотите: я вамъ подарю своего хозяина?! Ха-ха-ха!.. Онъ мнѣ давно уже надоѣлъ...

БЕРЕЗИНЪ. Зачѣмъ вамъ непременно хозяинъ? Въ

томъ-то и дѣло, Нахманъ, что вы не хотите насъ понять...

ЛІА. (Стараясь убѣдить) Неужели вы думали, что всегда будетъ такъ, какъ теперь? Неужели вы думаете, что человѣчество никогда не сдвинется съ этой мертвой точки?..

НАХМАНЪ. Человѣчество! человѣчество! Что такое человѣчество? Я его никогда не видалъ.

ЛІА. Я его тоже не видала... Это — не важно. Но я вѣрю, что все хорошее, доброе, чистое,—что есть въ каждомъ человѣкѣ, будетъ расти вмѣстѣ съ знаніями, которыя даетъ намъ наука... И наступитъ время, когда это доброе и разумное, что есть у всѣхъ людей мѣстѣ...

НАХМАНЪ. (Перебивая) А куда вы дѣваете все дурное, подлое, звѣрское, что есть у всѣхъ людей вмѣстѣ?..

ИЗЕРСОНЪ. Когда хозяинъ будетъ кушать другого хозяина, то онъ скушаетъ всю дрянъ! Хозяинъ—жадный! Онъ все жретъ! Потомъ онъ обожрется, подавится и самъ сдохнетъ!

НАХМАНЪ. (Упрямо) Я совсѣмъ не знаю, какъ будетъ черезъ тысячу лѣтъ, но теперь всякій человѣкъ непременно еще или русскій, или полякъ, или негръ, или жидъ!..

ИЗЕРСОНЪ. (Вставая и вмѣшиваясь въ группу спорящихъ) Кто понялъ, почему одинъ человѣкъ грызетъ за горло другого человѣка,—тотъ уже не русскій, не полякъ и не жидъ!.. Онъ просто человѣкъ!.. Развѣ Марксъ или Бебель жида? Развѣ они нѣмцы?

НАХМАНЪ. Я съ ними не былъ знакомъ... (Къ Березину) Не улыбайтесь, вашъ Бебель сказалъ, что социаль-демократы возмущаются и негодуютъ при всякомъ проявленіи антисемитизма, но еще добавимъ, что антисемитизмъ помогаетъ торжеству социаль-демократіи...

БЕРЕЗИНЪ. Что же отсюда слѣдуетъ?

БОРУХЪ. Развѣ можно отрицать историческіе факты?

НАХМАНЪ. (Горячася все сильнѣе) Отрицать ихъ нельзя, но заявлять мы „негодуюмъ!“ и при этомъ утѣшаться, что „намъ же будетъ лучше!“—это значитъ не имѣть сердца!.. Когда люди возмущаются, они не могутъ такъ разсуждать!

ЛІЯ. (Удивленно) Но что же, Нахманъ, долженъ былъ сказать Бебель?

НАХМАНЪ. Во всякомъ случаѣ умолчать о той пользѣ, которая получается въ исторіи отъ жидовскаго пота, слезъ и жидовской крови! Наша кровь такая же красная!

БЕРЕЗИНЪ. Позвольте, Нахманъ! Вы не имѣете ни права, ни логическаго основанія обвинять Бебеля... (Встаетъ, но когда выступаетъ Изерсонъ,—снова садится около Ліи)

ИЗЕРСОНЪ. (Подскакивая къ Нахману) Зачѣмъ молчать? Бебель долженъ былъ это сказать! Онъ говорилъ это предъ лицомъ всего міра... Онъ говорилъ отъ имени всѣхъ насъ... Можетъ быть, дома Бебель плачетъ горькими слезами, когда бьютъ жидовъ, но тутъ ему надо быть спокойнымъ... Зачѣмъ плакать и бить себя въ грудь кулаками? Развѣ отъ этого будетъ легче людямъ?.. Бебель не актеръ! И вы не имѣете права говорить такъ про нашего Бебеля!

НАХМАНЪ. (Съ дрожью въ голосъ) Я не имѣю никакихъ правъ! Никакихъ! и мнѣ ихъ не надо! А моя логика здѣсь, въ сердцѣ. (Бьетъ себя кулакомъ въ грудь) Здѣсь! Здѣсь! И если вашъ Бебель можетъ такъ спокойно разсуждать, то это значитъ, что онъ не просто „человѣкъ“, а еще и „не-жидъ“! да! Если бы онъ былъ еврей... (Махнувъ рукой, отходитъ къ столу, трясущимися руками наливаетъ изъ графина стаканъ воды, садится и пьетъ, стуча зубами о стекло стакана. Лейзеръ Френкель, встревоженный крикомъ, встаетъ съ мѣста и подходитъ къ аркѣ, ведущей въ залъ)

ИЗЕРСОНЪ. „Спокойно“!.. „Спокойно“! Хорошъ это